

ПРЕДИСЛОВИЕ

Незадолго до полуночи 31 мая 1962 г. в Израиле был казнен по приговору суда за преступления против человечества и еврейского народа бывший гестаовец Адольф Эйхман. Труп его сожгли, пепел рассеяли — чтобы не сохранилось и следов убийцы. Но о его преступлениях будут помнить вечно. То, в чем Эйхман признавался на допросах капитану израильской полиции Лессу, оказалось ценнее всего, что люди узнали ранее о нацистском механизме уничтожения людей. На свет явились в пугающем обличье новые, ранее неизвестные подробности.

До похищения Эйхмана из Аргентины мир не ведал, что начальник «еврейского отдела» гестапо жив. Да и прежде, в Третьем рейхе, он был мало кому известен. И за долгие месяцы, пока шел судебный процесс, не раз звучал вопрос, в самом ли деле незаметный эсэсовский фюрер ответствен за истребление евреев в фашистском рейхе.

О ключевой роли Эйхмана в «окончательном решении еврейского вопроса» говорилось еще во время Нюрнбергского процесса в 1946 г. Здесь же предстояло выяснить, не был ли Эйхман, «мелкий начальник», скорее козлом отпущения для других преступников, о чем он и заявлял на допросах в Израиле.

Нет, роль Эйхмана оказалась решающей. Именно он отвечал за истребление евреев, хотя сам и не занимался умерщвлением людей. Это он сгонял людей в гетто, формировал эшелоны, уходившие в лагеря уничтожения; он поручал разрабатывать графики перевозок и расписание поездов; он, посещая Освенцим и Майданек, составил собственное представление о технике массового убийства людей и позаботился о полном использовании мощности газовых камер.

На процессе по его делу в Израиле было доказано, что Эйхман с самого начала участвовал в планировании массового уничтожения. Не по званию, а по роду своей деятельности он был отнюдь не «скромным чиновником» в огромной машине преступлений.

Эйхман не наслаждался страданиями других, он не был садистом. Он выполнял свою работу за письменным столом — и посылал на смерть миллионы. Бюрократу Эйхману недоставало чувства и фантазии, чтобы измерить организованное им страдание. Когда он узнал от ведущего допрос офицера, что отец того погиб в лагере, он нашел это «ужасным». Но виновным чувствовал себя лишь частично — ведь сам он не убил ни одного из миллионов евреев — «только транспортировал», отправлял их в лагерь смерти, да и то «по приказу». И на допросах повторял, что область его ответственности заканчивалась перед воротами лагеря. Отбор на принудительные работы, убийство и сжигание трупов не относились к его компетенции...

В молодости Эйхман, не имея особых интересов и не обладая специальными знаниями, попал в нацистскую Службу безопасности (СД) и там, в значительной степени случайно — в еврейский отдел. Настойчиво и прилежно он вникал в дела и продвигался по службе. Работа в гестапо удовлетворяла его, давая власть над миллионами евреев и сотней-другой эсэсовцев. Гиммлеру не найти было другого такого — способного организатора, бесчувственного и надежного исполнителя. В отделе Эйхмана царил порядок во всем. И на допросах в Израиле он с явным удовольствием разъяснял следователю структуру управлений СД, круг обязанностей управлений и отделов, субординацию, рамки ответственности и правила подписи.

Следователь, капитан израильской полиции Лесс, перед первой встречей с Эйхманом ожидал увидеть монстра. Он был крайне удивлен и, можно сказать, разочарован, когда перед ним оказался самый обыкновенный человек. Действительно, в убийце миллионов не было никакой кровожадности. И на всех этапах своей второй жизни — в Германии после войны, в Австрии и Аргентине — Эйхман ни в чем не провинился, никогда не подвергался взысканиям. Кто знает, не будь приказов о массовых убийствах, — не остался бы он честным бюргером, отцом семейства с незапятнанной репутацией?

Тот, кто отвечает утвердительно на этот вопрос, должен рассчитывать на появление нового Эйхмана. Тоталитарным режимам подобные фигуры необходимы, без них они не могут существовать.

Йохен фон Ланг

ЧАСТЬ 1

ЛЕТОПИСЕЦ. Гитлер не раз заявлял публично, что «с еврейством будет покончено». Восьмого ноября 1942 г. в мюнхенской пивной «Лёвенброй» он цинично шутил перед «старыми бойцами» своей партии: «Над моими пророчествами всегда смеялись. Из тех, кто тогда смеялся, очень многие сегодня уже не смеются. А те, кто продолжает смеяться, возможно, скоро смеяться не будут...» В то время трубы крематориев в лагерях уничтожения уже дымили днем и ночью. Речь транслировалась всеми германскими радиостанциями и была напечатана в газетах дословно. Но большинство немцев посчитали эти фразы риторическими угрозами — это, мол, так, поугагать врагов.

Гораздо конкретнее об «истреблении еврейского народа» говорил 4 октября 1943 г. в Познани рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Речь была секретной. Гиммлер сказал: «Большинство из вас хорошо знает, что это такое, когда свалена в ряд сотня трупов, когда сложены пятьсот трупов или когда там лежит их тысяча. Вынести такое и остаться, вопреки всем человеческим слабостям, порядочными людьми — вот что нас закалило».

Для этой кровавой фабрики смерти нужен был аппарат. Отдающих приказы и подчиняющихся им, организаторов и ревностных исполнителей, убийц и тех, кто заметает следы. Самыми жестокими, исполнительными и пунктуальными были эсэсовцы. Себя они считали элитой национал-социализма. Один из этого «Черного ордена» — Адольф Эйхман, руководитель «еврейского отдела» в аппарате РЗХА, Главного управления безопасности рейха. К тому времени немцы уже научились бояться всевластия этого учреждения, известного сначала просто как тайная государственная полиция, гестапо.

Адольф Эйхман был так же неизвестен в «Третьей империи», как десять тысяч других чиновников этого высокого государственного учреждения. Но после Второй мировой войны его имя стало синонимом геноцида и убийств.

Что это был за человек? Как он решился на такое? Что это было за время, какие обстоятельства сформировали его? Он сам ответил на эти вопросы.

Авнер Лесс — капитан израильской полиции. Генеральный прокурор государства Израиль поручил ему допрашивать Эйхмана, чтобы подготовить судебный процесс. Начиная с 29 мая 1960 г., он просидит не одну сотню часов напротив человека, пославшего на смерть миллионы евреев, в том числе отца капитана и дюжину его родственников. Отец Лесса, берлинский фабрикант и фронтовик Первой мировой войны, был отправлен через концлагерь Терезиенштадт в газовую камеру Освенцима. Ему, кавалеру ордена «Железный крест», пожаловали, как говорит с горькой иронией сын, «привилегию» быть убитым одним из последних.

ХОФШТЕТТЕР. Вы меня, наверное, узнали? Я полковник Хофштеттер из уголовной полиции.

ЭЙХМАН. Так точно!

ХОФШТЕТТЕР. Господин Эйхман, мне сообщили, что вы готовы — и даже заинтересованы — изложить свою версию: о вашей роли в так называемом Третьем рейхе. Это верно?

ЭЙХМАН. Да, это верно.

ХОФШТЕТТЕР. Вам понятно, что о каком-либо принуждении вас к даче показаний не может быть и речи?

ЭЙХМАН. Так точно!

ХОФШТЕТТЕР. Что ж, капитан Лесс останется здесь с вами, чтобы заняться вашими показаниями сегодня же, прямо сейчас. Очевидно, вам понадобятся какие-то документы. Капитан Лесс составит список таких документов, и мы попытаемся по возможности предоставить их в ваше распоряжение. Вот, собственно, и все!

ЛЕСС. Я думаю, вы могли бы начать с биографии.

ЭЙХМАН. Я родился 19 марта 1906 г. в Золингене, в Рейнской области. Мой отец служил бухгалтером в «Электрической трамвайной компании», так примерно называлось предприятие. В 1913 г. отца перевели в город Линц на Дунае, в тамошнюю «Электрическую трамвайную компанию», кажется, в связи с кредитом, предоставленным концерном АЭГ этой австрийской фирме. И там

отец работал до 1924 г. коммерческим директором. Отец перевез семью в Австрию в 1914 г., значит, с этого года я жил с моими родителями, братьями и сестрами в Линце на Дунае, в Верхней Австрии.

ЛЕСС. Может быть, вернемся чуть назад. Как звали вашего отца?

ЭЙХМАН. Моего отца звали Адольф Карл Эйхман. Моя мать — Мария Эйхман, урожденная Шефферлинг.

ЛЕСС. Сколько у вас братьев и сестер?

ЭЙХМАН. Мой отец был женат дважды. Моя мать умерла в 1916 г. В этом браке родилось пятеро детей. Следующий после меня был Эмиль, двумя годами моложе меня.

ЛЕСС. Он родился в 1908 г.?

ЭЙХМАН. Наверное, да, господин капитан, а следующий, Гельмут, был на три года моложе меня. Он погиб в Сталинграде во время войны. Следующей была сестра, Ирмгард, она, я думаю, на четыре года моложе меня или на пять. Прошло уже восемнадцать лет, как я виделся с ними. Следующий брат, наш младший в этом браке, был Отто. Частые роды привели к ранней смерти матери. В 1916 г. отец женился во второй раз на очень строгой, религиозной женщине протестантской веры.

ЛЕСС. Принадлежите ли вы к какой-либо церкви?

ЭЙХМАН. Я принадлежал до 1937 г. к евангелической церкви, но потом вышел из нее. В дальнейшем, за 15 лет, прошедших после 1945 г., обретя новый опыт, я внутренне вернулся к церкви, но официально в нее не вступил, потому что стеснялся. Главным образом из-за отца, который был очень религиозным человеком; несколько десятков лет он был общественным пресвитером евангелической церковной общины в Линце. Он умер недавно, 2 февраля этого года.

ЛЕСС. Вы состояли какое-то время в Обществе христианской молодежи?

ЭЙХМАН. С малых лет. Вся семья отправлялась по воскресеньям к девяти часам в церковь, и после церкви или после обеда мы шли в Общество христианской молодежи. Только потом, когда там руководство воспитанием молодежи стало меняться и с новыми людьми добрых отношений уже не было, я перешел в «Юные туристы», в

группу «Гриф». Они входили в Молодежный союз. Я еще состоял там, когда мне было уже 18 лет.

ЛЕСС. В какой школе вы учились в Линце?

ЭЙХМАН. В Линце я ходил в начальную школу, до 4-го класса, а потом поступил в реальное училище, там учился тоже до 4-го класса.

ЛЕСС. Какое именно реальное училище?

ЭЙХМАН. Государственное реальное училище имени кайзера Франца-Иосифа, потом оно называлось — Федеральное реальное училище, потому что как раз в то время произошел переворот.

ЛЕТОПИСЕЦ. *В былые времена Эйхман не преминул бы на этом месте заметить, что и Адольф Гитлер ходил в ту же школу — всего на год-другой раньше.*

ЛЕСС. Сколько времени вы учились в гимназии? Четыре года? В каком году ее окончили?

ЭЙХМАН. Наверное, в 1916—1917-м я окончил начальную школу. Во время революции был в реальном училище. Я еще припоминаю, что во время занятий были волнения.

ЛЕСС. На какой улице вы жили в Линце?

ЭЙХМАН. На Бишофштрассе, дом 3.

ЛЕСС. Это был многоквартирный дом?

ЭЙХМАН. Многоквартирный дом, прямо в центре города.

ЛЕСС. После того как вы в 15 лет, в 1921 г., окончили школу, вас призывали на годичную службу в армию?

ЭЙХМАН. Нет, в наше время этого уже не было. Я поступил тогда в государственное Высшее федеральное училище электротехники, машиностроения и строительства. Это тоже в Линце. Я там проучился четыре семестра.

ЛЕСС. Вы потом работали по специальности?

ЭЙХМАН. Да. К тому времени мой отец ушел на пенсию досрочно, потому что открыл собственное дело и сначала основал в Зальцбурге горнопромышленную компанию, в которой у него был 51 процент акций. Шахта была между Зальцбургом и границей. Но производство заглохло в самом начале. Еще он вошел в долю предприятия по строительству мельниц, это на реке Инн, в Верхней Австрии. Он потом не раз жалел об этом, потому что влетел как раз в экономический кризис в Австрии, и де-

ло не только не шло, но и сбережения отца и сбережения моей второй матери тоже пошли в это предприятие и обратились в прах. Я забыл рассказать, что отец еще стал в Зальцбурге совладельцем машиностроительной компании, которая делала локомотивы. Но ее предыдущий единоличный владелец повесился после того, как вложенные моим отцом в качестве компаньона деньги были каким-то образом растрочены. После этого отец закрыл горнопромышленную компанию, но еще много лет платил в казну какой-то налог, горную ренту.

ЛЕСС. На каком предприятии вашего отца вы работали?

ЭЙХМАН. Когда я... Ну да, отец забрал меня из школы. Надо признать, еще и потому, что я был не самым прилежным школьником. Он отправил меня на шахту. Я должен был там работать под землей и на поверхности. Это была маленькая шахта. Главная штольня была не длиннее 300 метров. Несколько боковых выработок и неглубокие стволы. Собирались добывать смолу из горючих сланцев, сланцевое масло для медицинских целей, асфальт какой-то... Штейгер, мастер, посылал меня работать вместе с другими, там было еще несколько рабочих.

ЛЕСС. Сколько человек было занято в этом производстве?

ЭЙХМАН. Всего, я думаю, десять.

ЛЕСС. Сколько времени вы там работали?

ЭЙХМАН. Месяца три, наверное, не дольше. Затем меня определили в «Верхнеавстрийскую электрическую компанию» в качестве волонтера, как это тогда называлось. Я мог опять пойти учиться, мог — добровольцем в армию на один год, как это тогда называли. Все родители в то время придавали большое значение тому, чтобы их дети прошли, по крайней мере, эту годичную военную службу. А волонтером — так это тогда называлось, не ученичество, а волонтер — я пробыл в этой компании два с половиной года.

ЛЕСС. В каком отделении вы обучались? Вы прошли через все отделения?

ЭЙХМАН. Нет, только электротехнику. Отец хотел, чтобы я попал в торговый отдел, где сбыт продукции. В это время как раз появилось радио. И я занялся этим новым изделием, потому что это было нечто необычное. Через два с половиной года отец объяснил мне, что так я никогда

не добьюсь успеха. Он хотел меня устроить в компанию «Вакуум ойл», это называлось — разъездным уполномоченным, по Верхней Австрии. Наверное, мои родители прочли объявление в газете. Мать, которая у нас в большинстве случаев брала инициативу в свои руки, обратилась к кузену, а он был президент Австрийского автомобильного клуба. Он жил в Вене, а его близкий друг был генеральным директором филиала «Вакуум ойл» в Австрии. Некто господин Вайс.

ЛЕСС. Вы с этим господином Вайсом встречались лично и беседовали?

ЭЙХМАН. Нет, нет, я должен был явиться к местному начальнику в Линце, который мне сообщил, что у него очень много желающих и он должен отправить меня в Вену, чтобы я представился там.

ЛЕСС. Сколько лет вам тогда было?

ЭЙХМАН. Я был очень молод, извините, я должен сообразить, минутку!

ЛЕСС. Да-да, пожалуйста, господин Эйхман, хотите сигарету?

ЭЙХМАН. Если позволите! В 1928 г., мне было 22 года. Я приехал в Вену, пришел в управление «Вакуум ойл», и меня послали к некоему господину Попперу, который мне сообщил, что генеральный директор Вайс велел меня принять, хотя я слишком молод. Наверное, он получил указания от своего высокого начальства. Я явился снова в контору в Линце и потратил следующие дни на то, чтобы усвоить все эти названия, марки продуктов — бензин «сфинкс», керосин, разные сорта машинного масла... Сначала меня послали работать по городу, а через неделю или, может быть, через две недели такого обучения мне поручили обслуживать самостоятельно район в Верхней Австрии.

ЛЕСС. Район, который вам поручили обслуживать, был большой?

ЭЙХМАН. Конечно, это половина Верхней Австрии!

ЛЕСС. Все это время вы жили у родителей? У вашего отца и мачехи?

ЭЙХМАН. Я жил дома, так точно, но приезжал домой только на субботу и воскресенье или иногда, если было по пути, среди недели. Я занимался главным образом уста-

новой бензокачалов в своем районе. Одновременно в мои обязанности входило обеспечение поставок керосина, потому что эти места были слабо электрифицированы. Заниматься керосином было интереснее, это было что-то солидное, а не из области моды.

Мюльфиртель — это такая сонная местность, люди жили там как и 50 или, может быть, 100 лет назад. Мне это было по душе. К тому же — чудесная природа, лиственный и смешанный лес, сосны, ели. К тому же романтическая местность. Там много старинных замков, правильнее сказать — их развалин, в том числе очень древних, подлинных. Я их во время поездок всегда посещал.

Так вот, я там был до 1933 г., и тогда меня перевели в Зальцбург. Этот перевод меня не устраивал. И я ничего о нем не знал заранее. Я приехал в Зальцбург, получил там самые далекие участки вокруг города и сначала радовался, потому что была зима, горы вокруг, все заснежено. Но потом, перед началом сезона, суэта, полно приезжих в Кицбюле, в Хофгаштейне, в Бад-Гаштейне... Меня пугало, что работы так много. Она меня уже не радовала, мне уже не хотелось продавать, ездить. Я, конечно, выполнял свои обязанности, а тут после Троицы директор Блум говорит мне: «Персонал надо сокращать». А я единственный холостой из разъездных представителей, поэтому они решили меня уволить.

ЛЕСС. Это было в 1933 г.? После праздника Троицы?

ЭЙХМАН. Я-то был очень рад, что меня увольняют. Но родителям это не понравилось. Я получил расчет за пять месяцев — по числу лет, проработанных в фирме, — и уведомление, с какого числа я уволен.

ЛЕСС. А после того, как вы опять вернулись в Линц?

ЭЙХМАН. Вернувшись к родителям, я раздумывал, чем бы теперь заняться. Предприятия моего отца не были успешны; он потерял всё и теперь искал себе место генерального представителя в Верхней и Нижней Австрии. У него еще оставались связи, образовавшиеся за 24 года работы в электрических концернах. Сначала он получил представительство от «Филипса» — радиолампы, потом от аккумуляторного завода «Варта». А я не хотел разъезжать с радиолампами и батарейками. Мне казалось, что вот я сам начну торговлю смазочными маслами. Буду

представлять марку какого-нибудь аутсайдера, фирму, не входящую в картель. У меня ведь была клиентура, особенно в Верхней Австрии.

Я сразу же встретился с затруднениями; теперь уже не помню, финансовыми, или что-то не получалось с местом — во всяком случае, помню, как отправился к своему первому клиенту и внезапно прервал поездку. Я подумал: я же германский подданный! Так поеду в Германию и попытаюсь там устроиться в «Вакуум ойл».

ЛЕСС. Что вас привело к этому решению?

ЭЙХМАН. Я был довольно молодым человеком и привык, что мною руководят, по крайней мере, в делах направляют меня. И вот получалось, что я пал духом. И еще были какие-то трудности; так или иначе, я решил все оставить и сказал родителям, что поеду в Германию. Германия такая большая, и там, конечно, есть еще работа, может быть даже в торговле маслами. Ведь в это время в Австрии была сильная безработица.

ЛЕСС. Это все происходило еще в 1933 г.?

ЭЙХМАН. Так точно! Чтобы все это было совершенно ясно, я должен теперь переключиться со служебных дел на так называемые политические...

ЛЕТОПИСЕЦ. *С безработицей в Австрии дела обстояли не намного хуже, чем в Германии, где в то время шесть миллионов человек все еще искали работу. Правда, Гитлер уже объявил, что за четыре года всем даст работу и хлеб, но в условиях расплывшегося на весь мир кризиса это казалось маловероятным. Что на самом деле влекло Эйхмана через границу, легко понять из его следующих показаний.*

ЭЙХМАН. ...Тогда будет также понятно, почему я, помимо деловых соображений, вдруг захотел уехать. Вон из Австрии — в Германию! Еще во время учебы в школе у нас были разные группы — безобидные, конечно: националисты, социалисты, монархисты. Ну, как это молодые люди подхватывают, революционный дух и тому подобное, ничего такого не имея при этом в виду. Можно было вступить в такую группу только потому, что школьный друг был монархист или националист. Дома ведь о политике никогда не говорилось. Моего отца совершен-